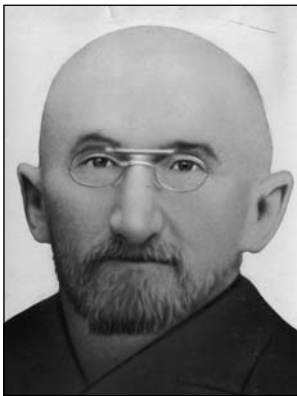

УДК 330.8

ПИСЬМА А. А. КАУФМАНА К В.И. БОРТКЕВИЧУ

Публикация А. Л. Дмитриева

А. А. Кауфман

Имя Александра Аркадьевича Кауфмана (1864–1919) хорошо известно историкам науки. Его взгляды на предмет, метод и задачи статистики анализировались как при его жизни [4], так и в специальных исследованиях [5; 6]. Между тем в архивах остается большой массив неизученных документов, чрезвычайно интересных, но требующих кропотливого исследования. Один из них — эпистолярное наследие. В данном случае — переписка с Владиславом Иосифовичем Борткевичем (1868–1931). Оба экономиста — питомцы Императорского Санкт-Петербургского университета и письма дают важный материал для понимания, с одной стороны, обстановки на Юридическом факультете, включая и взаимоотношения между людьми, а с другой — показывают «творческую лабораторию» ученых.

Несколько слов об А. А. Кауфмане. Окончив в 1885 г. Юридический факультет Университета с золотой медалью, он с 1887 по 1906 г. служил в Министерстве государственных имуществ, где занимался изучением землепользования и условий хозяйствования западносибирских крестьян. В 1900–1906 гг. являлся членом Ученого комитета Министерства земледелия. Одновременно в 1900–1903 гг. преподавал политическую экономию в Демидовском женском коммерческом училище, а с 1905 г. — на разных частных курсах. В 1906 г. Кауфман привлекался в качестве эксперта к работе Сибирской группы членов Государственной думы. С выходом в отставку в 1906 г.

В. И. Борткевич

Антон Леонидович ДМИТРИЕВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической кибернетики СПбГУ. В 1993 г. окончил СПбГУЭФ. Канд. экон. наук (1998), доцент (2003). Сфера научных интересов — история отечественной и зарубежной экономической мысли, микроэкономический анализ. Автор более 180 научных и учебно-методических работ.

© А. Л. Дмитриев, публикация, 2009

основным местом работы стали Высшие женские (Бестужевские) курсы Петербургского университета (1907–1916), в 1910–1913 гг. он преподавал курс статистики и на Юридическом факультете, а с 1918 г. — и в других учебных заведениях. Сдав в 1906 г. магистерский экзамен в Московском университете, Кауфман представил туда магистерскую диссертацию «Переселение и колонизация», за которую в 1908 г. был удостоен сразу степени доктора политической экономии и статистики — случай чрезвычайно редкий в дореволюционной практике. В 1917 г. он принимал активное участие в работе Главного земельного комитета Временного правительства по составлению проекта аграрной реформы, а также в организации советских статистических органов; был заведующим статистико-экономического отдела Сельскохозяйственного ученого комитета, ученым консультантом ЦСУ, председателем Статистического совета Петроградского губернского комиссариата здравоохранения. Его учебник «Теория и методы статистики» (1911) выдержал пять изданий (последнее — в 1928 г.) и пользовался большой популярностью.

В. И. Борткевич — всемирно известный статистик и экономист. Окончив Петербургский университет в 1890 г., он продолжил образование в Страсбургском университете у В. Лексиса и Г. Кнаппа. В 1895–1897 гг. читал лекции по страхованию рабочих и теории статистики в этом Университете. В 1899–1901 гг. преподавал статистику в Александровском лицее в Петербурге. С 1901 г. проживал в Берлине, оставаясь до конца жизни профессором Берлинского университета. П. Д. Азаревич, слушавший его лекции, писал: «...читает Борткевич очень хорошо, видно, что много и тщательно готовится к каждой лекции. Входит в аудиторию прямо в шляпе, и для всех ясно, что он только что из дома, от письменного стола и по дороге не является ни к какому начальству» [15, с. 237]. Научные исследования Борткевич проводил в области статистики смертности, дисперсии рядов и их устойчивости (развивая идеи В. Лексиса); в области страхового дела, индексов цен (стохастическая трактовка). Сформулировал впервые закон малых чисел «для случаев редких явлений» (1908). Внес весомый вклад в теорию индексов, предложив свою формулу стохастического индекса цен. В области экономической теории пытался интегрировать номиналистическую и металлическую теории денег. Вслед за В. К. Дмитриевым обосновал трансформацию ценности в цену и глубоко проанализировал противоречие между 1-м и 3-м томами «Капитала» К. Маркса. Кроме того, Борткевич — автор оригинальных работ по истории экономической мысли: о вкладе К. Родбертуса в теорию ренты, об Аристотеле как предтече Т. Мальтуса.

Будучи очень требовательным в научном плане и к себе и к окружающим, Борткевич тщательно следил за работами российских ученых, занимавшихся теми же проблемами, которые волновали и его. Следует отметить, что, несмотря на теплые отношения и оживленную переписку с А. А. Кауфманом, Борткевич весьма сдержанно оценивал его работы по теории статистики. Так, в письме к А. А. Чупрову от 21.11.1913, с которым они были друзьями, он писал: «Горе тому, кто вздумал бы, положившись на Кауфмана, вычислять коэффициент корреляции! Нет, уж лучше, чтоб статистики-нематематики совсем воздерживались от приведения формул» [3, с. 185]. Однако сам Кауфман очень высоко оценивал научные заслуги Борткевича, отмечая, что он хотя и «окончательно утрачен» для России, «в истории развития статистической науки... занимает одно из самых первых мест» [14, с. 101].

Долгие годы считалось, что после смерти ученого научный архив был утрачен. Однако недавно благодаря усилиям Дж. Чипмена (Миннесота), Г. Раушера (Вена), К. Виттиха (Женева) и О. Б. Шейнина (Берлин) удалось найти фонд Борткевича в библиотеке Упсальского университета (Швеция), видимо, переданный туда его сестрой, с которой

он проживал в Берлине. Мы чрезвычайно благодарны О. Б. Шейнину за присланные копии писем.

Почти все письма напечатаны на машинке, кроме № 11 и 20, которые написаны от руки. Некоторые письма не датированы (нет числа или года). Практически все они, кроме № 3, 19, 20, напечатаны на бланках «В. О. 4 л, 31. Тел. 201-53» или «Александр Аркадьевич Кауфман. В. О. 4 л., 31. Тел. 401-53». № 12, 18 на бланке гостиницы «Das Rebhaus. Freiburg». Мы расположили их в хронологическом порядке. При подготовке писем к печати были исправлены очевидные ошибки. Сохранены подчеркивания в тексте, которые, скорее всего, принадлежат Кауфману, а также пометки Борткевича.

№ 1

Многоуважаемый Владислав Иосифович.

Позволяю себе утрудить Вас некоторым запросом, а может быть и просьбой.

Как Вы знаете, я теперь преподаю статистику на Высших женских курсах. По счастливому стечению обстоятельств мне удалось с самого же начала приступить к устройству статистического кабинета, или семинария, с соответствующей библиотекой. На первую очередь мы сосредоточили наше внимание на сборе русских источников, и теперь у нас имеется по этой части не слишком плохая коллекция. Теперь на очереди источники иностранные, и в первую голову, конечно, немецкие. О полных коллекциях я, конечно, и не мечтаю пока. Но даже и отбор наиболее характерных изданий, если все покупать, обойдется чрезмерно дорого, — не по средствам для нашего, все-таки довольно бедного учреждения. Вот я и хотел просить Вас сообщить мне, можно ли, по Вашему мнению, рассчитывать получить немецкие правительственные издания бесплатно, и если да, то какие и какими путями. В этом последнем отношении было бы важно знать, к кому именно надо обратиться с соответствующими просьбами, с другой стороны — в какой форме это надлежало бы сделать? Вы меня очень обязали бы, если бы нашли минутку времени и набросали схему просительного письма, — боюсь, что иначе я с немецким языком и немецкими формами плохо справлюсь. Еще более, конечно, Вы обязали бы меня, если бы нашли возможность помочь нам в этом деле личным представтельством, — я, со своей стороны, могу, я думаю, гарантировать Вам, что книги зря стоять не будут, — семинарская работа, судя по началу, налаживается у нас очень недурно.

Кстати: может быть, у Вас нашлись бы для нашей библиотеки оттиски тех из Ваших работ — в особенности общетеоретических, которые печатались в периодических и иных специальных изданиях? Вы понимаете, как важно было бы нам иметь их в нашей коллекции, и как трудно было бы вновь зарождающемуся учреждению достигнуть этого без Вашего любезного содействия.

Всего Вам хорошего.

Искренно преданный Вам А. Кауфман.

[1909].

№ 2

Многоуважаемый Владислав Иосифович.

Ближайшею же почтой посылаю Вам отпечаток заметки по поводу книги А. А. Чупрова*. — Я был совершенно убежден, что послал Вам таковую вместе с курсом теории статистики^{2*}.

Как раз сегодня я собирался опять Вам писать, на тему, которая Вам, может быть, покажется неожиданною. Отчего Вы не выпустите, и притом по-русски, чего-нибудь, вроде «Основание теоретической статистики»? Вопрос этот поставился передо мною главным

образом под впечатлением Вашей рецензии на А. А. Ч.^{3*} и той встречи, которую она нашла в среде моего семинария. Общеизвестная вещь, что ничего обобщающего по теоретической статистике у нас нет, и пробел в данном отношении отнюдь не заполнился и после выхода книги Чупрова^{4*}. Вопрос о компетентности в этих вопросах мы, очевидно, можем оставить вне сферы нашего обсуждения. Что касается до способности изложить теорию в таком виде, чтобы она стала доступною для понимания людей без математической подготовки и даже особо выраженного теоретического склада ума, — то наличием у Вас этой способности для меня не подлежит сомнению после Ваших очерков о статистической закономерности и после Вашей последней рецензии. А между тем мне казалось бы особенно важным, чтобы именно Вы взялись за это дело, потому что Вы, я думаю, одни могли бы с должною авторитетностью предостеречь публику против увлечения приложением математических методов к статистике, которое у одних проистекает из одностороннего увлечения математикой, у других... просто из незнания самой этой математики и из желания показать, что, дескать, и мы тоже не лыком шиты. Это, конечно, одна из сторон дела. Но и независимо от этого, я думаю, что едва ли кто-либо кроме Вас мог как следует обработать теорию статистики в том виде, какой она приняла под влиянием работ Лексиса^{5*} и Ваших.

Вот эти соображения я хотел представить на Ваше благоусмотрение, а затем пожелаю Вам всего хорошего.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

19.III.1910.

№ 3

Многоуважаемый Владислав Иосифович.

Письмо это, думаю, застанет Вас уже в Берлине. А я — вообразите — все эти почти полных три месяца болею; или точнее: проболел непрерывно более двух месяцев, дошел до состояния полутрупа, и когда лег в больницу, где две недели тому назад подвергся операции, по-видимому, долженствующей пресечь корень моих злоключений и вернуть меня к лику здоровых людей. Сейчас я хоть и лежу забинтованный, но чувствую себя превосходно; с неделю как начал работать и работаю довольно.

Вы понимаете, конечно, какую пертурбацию внесло все изложенное во все мои дела. От объявленного в ун-те общего курса пришлось отказаться, когда начну лекции на курсах — трудно сказать, и только руководство семинарием осуществляю отсюда, из больницы. Расстроило это и мои литературно-научные планы, в том числе и тот, в котором мне удалось Вас несколько заинтересовать. Поехать в Москву, само собою разумеется, не удалось, — вступить в письменные отношения не решаюсь — письменно всякие дела устраивать много труднее. Вступил было в переговоры с одним петербургским издательством, — те сначала обнадежили, но потом дали такой ответ: охотно издадут известный Вам сборник, если... я им предоставлю переиздание курса; но об этом, очевидно, не может быть и речи, хотя бы уже потому, что переиздание курса уже передано, и ломать состоявшееся соглашение, хотя бы пока и словесное, я конечно, не стану. Не знаю, — может быть удастся съездить в Москву на Рождество, может быть, еще решусь писать, — но, очевидно, в этом году дела наладить не удастся. Во всяком случае, без последствия я этого плана не оставляю, и рад бы надеяться, что вынужденная отсрочка не изменит Вашего доброго отношения и Ваших добрых настроений по отношению к данному предприятию.

Из прочего могу Вам сообщить, что я имел беседу со своею математической девицей, которая уже и приступает к занятиям; план последних я ей предложил в качестве при-

мерно, многократно оговорил, что она может его бросить, как только найдет для себя более подходящее направление занятий.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вам преданный

А. Кауфман.

2.Х., [1910], СПб.

№ 4

Многоуважаемый Владислав Иосифович.

Хочется, чтобы Вы были в курсе известного Вам дела. Мне все-таки удалось дать ему некоторое движение. Через А. А. Мануйлова^{6*} я предложил издание «Теории статистики по Л[ексису] и Б[орткевичу]»^{7*} московской комиссии домашнего чтения и получил от Мануйлова обещание полной поддержки. Недели две тому назад комиссия обсуждала мое предложение, но так как Ман[уйлов] по серьезным причинам не был, то передали дело ему на заключение. Последнее, конечно, будет благоприятным, так что можно надеяться и на благоприятное конечное решение. Но, конечно, все это будет не так скоро, так что раньше лета или осени едва ли удастся приступить к работе.

Сейчас занят вопросом о выборочном методе — в конце месяца думаю выступить с докладом, который вероятно теперь уже печатается^{8*}. Вдумавшись в вопрос, окончательно усомнился в применимости математических критериев и пришел к решительному убеждению в совершенной невозможности исходить из абсолютного числа наблюдений. Еще занимаюсь... писцовыми книгами, — по поводу одной рецензии, порученной мне де сиянс^{9*} академией^{10*}.

С здоровьем моим неважно. Операция ожидавшегося быстрого результата не дала, и даст ли вообще конечный результат — неизвестно. Теперь я в довольно жалком виде.

Очень интересуюсь тем, что Вы напишите в «Р[усской] Мысли» по поводу Чупрова и Орженцкого^{11*} — последнего в особенности.

Ах да, еще: на днях выходит мой популярный учебник статистики в издании московск. нар. универс. Может быть, Вы посмотрите там гл. 2 и особенно 4-ю, — в этой последней некоторые вопросы трактованы несколько по-новому: в частности, трактовка вопроса о стат. умозаключении навеяна, в значит. мере, Вашими последними статьями. В переработке большого курса (печатание которого пока отсрочилось) эти вопросы, конечно, развиты подробнее, но в том же направлении.

Жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный *А. Кауфман.*

5/18.I.1911.

№ 5

СПб., 14 марта [1911].

Многоуважаемый Владислав Иосифович.

Очень извиняюсь, что промедлил ответом на Ваше столь быстро последовавшее и любезное письмо, — мне хотелось написать Вам уж после того, как я приму какое-нибудь окончательное решение по делу, которым Вас утруждал, — а это последовало совсем недавно. В свое время я, по Вашему совету, писал Баллоду^{12*}, но, к сожалению, не получил от него совсем никакого ответа. Так как я уже и раньше, на основании Вашего письма, имел все основания сомневаться в осуществимости своих мечтаний, то я, после этого фиаско,

совсем их бросил и просто снесся с нашим комиссионером относительно приобретения на возможно выгодных условиях серии наиболее ценных для нас германских и прусских изданий.

Сердечное спасибо Вам за Ваши присылки как для кабинета, так и мне лично. Очень жалко, что в числе первых не оказалось Вашей русской «Закономерности», — но, к счастью, у нас имеется вся серия «Вестника права»^{13*}, где мои девицы и будут пользоваться Вашей работой^{14*}. Ваша рец. относительно книги А. А. Ч. пришла ко мне как раз в то время, когда мы заканчивали в моем семинарии рассмотрение первой части книги, так что я имел возможность использовать рецензию для своего резюме, которому ввиду недостаточности основного реферата пришлось придать объем и форму самостоятельного доклада. Увы, должен признаться, что — к немалой выгоде А. А. Ч. — я проявил по отношению к книге довольно необычное, кажется, для меня легкомыслие: известную Вам статью я написал было наспех, под первым беглым впечатлением. Уже позднее, в особенности благодаря семинарскому обсуждению, я продумал ее основательнее и по ряду вопросов пришел к далеко более скромным оценкам, которые, к моему удовольствию, в ряде пунктов совпали с изложенным в Вашей рецензии. Искреннейшим образом жалею, что последняя появилась в столь малочитаемом органе.

Может быть, Вам небезинтересен будет такой факт: по некоторому случайному поводу, в мой семинарий попала одна наша математичка. Мало-помалу она очень заинтересовалась и семинарием, в котором она сделалась одною из деятельнейших работниц, и вообще статистикой, — и вот, мне хочется и я надеюсь ее специализировать в том направлении, которое, как Вы знаете, для меня лично более или менее недоступно; я не удивлюсь, если через пару лет мне случится направить ее к Вам «для усовершенствования».

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

№ 6

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Мне хочется поставить Вас в известность о некоторых событиях и видах, которые могут стоять в той или другой связи с Вашими видами или, если хотите, с видами на Вас. Несколько времени тому назад здешнему факультету пришлось обсуждать вопрос о последствиях возвращения Озерова^{15*} на московскую кафедру: ф-т не пожелал поручить самому О[зерову] читать финансы, а поручил это И. И. Кауфману^{16*}. Так как я всегда считал, что этому последнему место именно на этой кафедре, то я предположил, что это — предисловие к его окончательному переходу. Из моей беседы с деканом И. А. Покровским^{17*} выяснилось, что это, по-видимому, не так, и что К[ауфман] о переходе на финансы не думает. Но как оказывается, он довольно скоро — через год-полтора — выслуживает все пенсии, и тогда, по предположению Покровского, он уйдет. Ввиду этого я счел уместным заговорить с П[окровским] о Вашей кандидатуре. Нечего и говорить, что Ваших прав на таковую по существу мне не пришлось разъяснять, — но возник формальный вопрос — о «цензе». Я высказал, что университет вполне мог бы дать Вам д-ра һос. с.^{18*} и что тогда вопрос разрешился бы сам собой. По существу П[окровский] и к этой мысли отнесся сочувственно, но усомнился в том, чтобы это было удобно по отношению к человеку, в значительной мере от России оторвавшемуся, ввиду чего и обещал мне навести справки относительно существующего в сем отношении обычного права. Попутно для меня выяснилось из этого разговора, что других солидных кандидатов факультет не имеет. Стороной я слышал, что Кауф. а) от Чупрова^{19*} отрекся и умаляет его, насколько

в его силах и б) что он выдвигает кандидатуру Орженцкого. Сего последнего я, конечно, серьезным конкурентом для Вас не считаю, тем более что Покр. о нем даже не упомянул. Затем, не лишен значения тот факт, что из ун-та ушел Георгиевский^{20*} и его заместителем вероятно будет Туган^{21*} — в факультете его прохождение, я думаю, обеспечено, а он, сколько мне известно, Ваш большой почитатель.

Понятно, я буду продолжать зондировать почву и, может быть, готовить ее, насколько это возможно в положении человека, стоящего вне ф-та. Но мне важно было бы знать, на какие шаги Вы пошли бы, если почетное докторство встретит затруднения. Согласились ли бы Вы сделать и защитить какую-нибудь диссертацию? Пошли ли бы Вы на приват-доцентуру «с поручением»? Есть еще теоретически мыслимая комбинация — избрание в академики, — но это не так просто, тем более что кафедра пока не вакантна.

Ну, на сей раз довольно об этом деле. А теперь другое — позвольте Вас поблагодарить за Ваш отзыв по поводу моего курса — Вебер^{22*} мне сказал, что он запрашивал Вас, и что собственно Ваш отзыв решил известное Вам дело^{23*}. Независимо от чисто внешней стороны дела, скажу, не боясь повредить своему достоинству, что это обстоятельство удваивает для меня ценность того большого успеха, каким я считаю для себя возможность появиться по-немецки. Это, конечно, не мешает тому, что я сам теперь просто не выношу вида своей книги, особенно ее первой части, и что как в русском переиздании, так тем более в немецкой переработке, от первого издания камня на камне не останется. В настоящее время я дописываю вторую главу немецкой переработки^{24*} и держу корректуру конца первой части русского переиздания^{25*}. Последнее, благодаря nepозволительной безалаберности москвичей, страшно затянулось, что повело за собой и замедление немецкой работы, — для последней пришлось упустить самое лучшее, каникулярное время... Из прочих вещей, меня касающихся, могу сообщить, что я начал читать конкурентный общий курс в ун-те, чем весьма озлобил своего однофамильца — пока кое-кто слушает, — не знаю, удержится ли аудитория. На курсах собираюсь пускать семинарскую машину полным ходом, — наплыв в семинарий, кажется, будет большой, — между прочим, приходится организовать третью группу для пробывших два года и не желающих уходить.

С «Лексисом-Борткевичем»^{26*} пока что дело плохо: еще весной получил ничем не мотивированное сообщение, что комиссия дом[ашнего] чтен[ия] в данное время «не может воспользоваться моим предложением». Возможно, что тут какое то недоразумение, потому что Мануйлов так же точно был не осведомлен о таком решении вопроса, как и я. Езди я в Москву, — дело выяснить было бы просто, — а так довольно мудрено — особенно навязываться, очевидно, тоже неловко.

Здоровье мое значительно лучше, хотя до хорошего еще очень далеко... Ну, надо мириться хоть с относительной поправкой.

Затем, всего хорошего. Очень рад буду получить от Вас весточку. Спасибо за последнюю присылку. В ближайшем будущем у меня, пожалуй, ничего не будет, если не считать доклада по поводу петербургской переписи^{27*}.

Искренно Вам преданный *А. Кауфман*.

18. IX.1911.

№ 7

Многоуважаемый Владислав Иосифович!

Давненько и Вам не писал, и от Вас не имел никаких известий. Первое в значительной мере объясняется тем, что хотя я в общем теперь и в сносном виде,

но все-таки сил у меня так мало, что за выполнением дневной порции обязательной работы их и совсем не остается. Теперь рассчитываю некоторое время не то чтобы отдохнуть — ибо отдых для меня, ввиду моего калечества, хуже работы, а несколько сократить работу. С одной стороны, все-таки, как никак, каникулы начинаются, и сколько удовольствия мне ни доставляют академические обязанности, тем не менее, перерыв в них не мешает. Главное же — я только что кончил немецкую переработку своего курса статистики, и собственно об этом, ввиду Вашего доброго отношения к моему несколько смелому предприятию, я хотел Вам сообщить. Машина вышла преобладающая — около 35 листов колоссального «Майровского» формата. Хотя в основе и лежало все еще никак не могущее выйти в свет (хотя уже давно законченное набором) второе русское издание, но все-таки переделать пришлось не так мало, отчасти в направлении несколько большей литературной обстановки, главным же образом (во второй части) в смысле некоторой денационализации. Последнюю, впрочем, я провел лишь в ограниченной степени, боясь, что с национальностью могла бы исчезнуть и индивидуальность^{28*}. Надеюсь, что в ближайшем будущем фирма Мор-Зибек приступит к печатанию.

У нас, Вы вероятно знаете, всяческие волнения из-за замещения кафедр. Не знаю, однако, знаете ли Вы, что Георгиевский, из ненависти к Тугану, выставил Вашу кандидатуру на политическую экономию. Но в данном случае работа была настолько шита белыми нитками, что, конечно, никакой поддержки Г[еоргиевский] не мог встретить. Что касается до статистики, то вопрос, надо думать, встанет не в отдаленном будущем, — И. И. К., по-видимому, довольно открыто стал разговаривать о своем намерении уйти. Каковы будут, в этом случае, Ваши шансы — я ясно себе не представляю. Несомненно, Чупров будет Вам весьма серьезным соперником, — его главный плюс — независимо от формальных условий — тот, что он считается отличным преподавателем, когда как Вас здесь с этой стороны мало знают. С другой стороны, Ваш научный вес едва ли достаточно ясен здешней публике: и здесь знают, конечно, что Вы большая величина, но Ваша роль в науке едва ли кому-либо достаточно ясна, и указания на контекст, где немцы говорят о Вас в ряду своих наипервейших величин, встречают иногда некоторое изумление. Я лично в здешнем факультете, к несчастью, недостаточно влиятелен, несмотря на добрые личные отношения кое с кем; начинаю разговаривать — поддакивают, но пока не слишком серьезно. Теперь у меня мысль — провести Вас в академию наук, и там мне лично, пожалуй, легче оказать некоторое влияние; но это, конечно, дело сложное, да и вакансий пока нет. А между тем академия устроила бы Вас уже в том отношении, что заменила бы Вам университетский ценз.

Простите, что пишу о вещах, которые при современном положении дела — может быть Вам не слишком приятны. Но я думаю, что знать о положении вещей Вам не бесполезно, а с другой стороны, я настолько не перестаю носиться с этими мыслями, что как-то трудно не поделиться ими с Вами.

В заключение маленькая просьба. Я теперь немного пополняю свои сведения по вопросу о выборочном исследовании, — но не могу разыскать тех Ваших замечаний по этому вопросу, о которых Вы как-то говорили при свидании. Не сообщите ли мне, где они напечатаны?

Из дел моего семинария самое любопытное, что у меня весь год работала группа историчек, которые разрабатывали писцовые книги 1498 г. Работа продолжится и в будущем году, и я ожидаю от нее ценных результатов. В остальном дело развивается, но идет довольно

ремесленно. Мне, несомненно, не хватает теории, — хотя специальный курс «Теоретических оснований» я нонче и читал, и при недурной (качественно) аудитории.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

11/24.V.1912.

Р. S. Сейчас говорил с неперменным секретарем академии С. Ф. Ольденбургом^{29*}. Он к моей мысли отнесся весьма сочувственно, но тут вот какая беда: по традициям, едва ли возможно попасть в академию помимо Янжула^{30*}. Ну, а это дело десятое: я лично с Янжулом в дурных отношениях, да и вообще, насколько его знаю, думаю, что он будет проводить какого-нибудь москвича или своего личного благоприятеля. Попробую, однако, еще напустить на него другого весьма близкого мне академика — Лаппо-Данилевского^{31*}, который с ним, по-видимому, в сносных отношениях, — но при взбалмошности Янжула не знаю, что из этого выйдет.

№ 8

Многоуважаемый Владислав Иосифович.

После того, как я Вам писал, мне пришлось иметь кое-какие разговоры, касающиеся вопроса о привлечении Вас в Россию, о содержании которых мне и кажется небесполезным Вас осведомить. Начать с того, что чуть не [на] другой день после того мне пришлось быть у Пергамента^{32*}, который хотя и ушел из ун-та, но продолжает принимать весьма деятельное участие в закулисной жизни факультета и проч. Не помню уже как, но разговор коснулся Вас, и после небольшого обмена мнениями П[ергамент] сам заговорил о том, что мол Вам следовало бы дать доктора hon. s.; поговорили мы на эту тему так и этак, но ни к чему конкретному не пришли, главным образом ввиду моих весьма посредственных отношений с И. И. Кауфманом. Не знаю уже, в какой ли нибудь связи с этим разговором или нет, но не далее как вчера этот самый И. И., в передэкзаменном разговоре, стал ругать Георг[иевского] за ту штуку, о которой я упоминал в том письме, а потом вдруг говорит: а вот осенью Я ему покажу — войду в ф-т с представлением о возведении Борт[кевича] в докторы...

Теперь, в другом направлении следующее: третьего дня я побывал у Лаппо-Данилевского. Он даже несколько обиделся на меня, когда я начал разговор с вопроса, ясно ли он себе представляет Вашу научную физиономию, а затем, когда я заговорил о своих мыслях касательно привлечения Вас в академию, то не только отнесся к ним с живейшим сочувствием, но даже упомянул о том, что он сам, в разговоре с Вами, упоминал в общей форме о желательности такого рода комбинации. Он не мог сейчас уже сообразить, как обстоит дело с точки зрения штатов и т. п., и разговор наш кончился тем, что он обещал все относящееся к данному вопросу выяснить и сообразить. Ну, а Лаппо такой человек, что если он так говорит, то это не пустые слова, — что в его силах он во всяком случае сделает, — но, конечно, дело и при теперешних, и при ожидаемых новых штатах не так просто, особенно при наличности Янжула. Между прочим мы обсуждали и материальную сторону. Л.-Д. считает, что в случае перехода в академию Вы и материально не потеряете; правда, он недооценивает разницы в покупательной силе денег в Берлине и в Пбг, а я слишком входил в детали постеснился. Но от себя скажу, что если за учетом этого обстоятельства и будет какого-нибудь пустяка не хватать, то «бегать по разным курсам» Вам, конечно, все таки не понадобится, — Вам достаточно будет взять пару часов в Ун-те или на Бестуж. курсах, чтобы Ваш бюджет достиг желаемого или большего размера.

Ваше письмо получил. Как раз накануне видел М. В. Птуху^{33*}, который крайне тепло говорил о Вашем отношении к нему. Получил сведения, что мой русский курс вышел, но еще его не видал. Был бы рад, если бы Вы удосужились высказаться по поводу первой части с точки зрения попытки популяризации определенного круга идей.

Жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный *А. Кауфман*.

18-31.V.1912.

№ 9

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Пишу Вам главным образом, чтобы рекомендовать Вам имеющую приехать через несколько дней в Берлин Тамару Львовну Якобсон^{34*}. Сия последняя — наша бестужевская курсистка. Последние два года она была одною из моих ближайших сотрудниц по руководству практическими занятиями по статистике в полуофициальном звании «субассистентки», а с месяц тому назад избрана факультетом и советом курсов, по моему представлению, ассистенткою по кафедре статистики. Уже из этого Вы можете видеть, как я ценю г-жу Якобсон в качестве подающего надежды научного работника. Добавлю, что ее любовь к науке и энергия — из ряда вон выходящие, что она обладает немалою критическою способностью, хорошо владеет слогом и пером. Не хватает ей пока теоретического кругозора — в значительной мере потому, что ассистентские обязанности, при ее, можно сказать, фанатическом отношении к делу, поглощают слишком много времени и сил. И вот, за расширением этого кругозора она едет в Германию, на что — между прочим — получила от факультета небольшую субсидию. Чем и как ей занять летний семестр, чтобы использовать его, в указанном направлении, возможно продуктивным образом, она как следует не знает, и я тоже не смог дать ей достаточно определенных указаний. Я ей дал, в сущности, только один совет, которому она и собирается последовать, именно: просить Вас, многоуважаемый Владислав Иосифович, помочь ей выработать для себя план занятий, а затем и вообще не отказать ей в Ваших указаниях и Вашей помощи при теоретической работе. Что ее ближайшим образом интересует — об этом она расскажет Вам сама; между прочим, она хочет, и я ее в этом намерении усиленно поддерживаю, заняться математикой, хотя бы в том объеме, как это нужно для теоретического обоснования статистического метода. Со своей стороны — зная ее хорошо по двухлетней совместной работе, могу выразить совершенную уверенность в том, что время и внимание, которое Вы сочтете возможным ей уделить, не будут потеряны даром. Мне лично Вы окажете этим большое одолжение.

На днях Вы получите от Мора — если еще не получили — экземпляр моего «Lehr- und Lesebuch»'а. Вы не будете на меня в претензии на то, что я — не спросив предварительно Вашего разрешения — трижды называю Вас в предисловии к этой книге? Из содержания книги Вы увидите, что для этого у меня было достаточное основание.

О себе не пишу — все, что Вам может быть интересно, Вам сможет рассказать Т. Л. Якобсон, которая в курсе всех моих дел. А весьма возможно, что месяца через полтора мы с Вами увидимся в Берлине.

Искренно Вам преданный

А. Кауфман.

5.IV.1913.

№ 10

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Не откажите, пожалуйста, сообщить мне — и притом возможно скорее — Ваше мнение о М. В. Птухе. Возникла одна — положим, не слишком блестящая, но его устраивающая, комбинация, в которой для него есть место и где мой голос будет играть известную роль. Но так как он работает в сфере, которая мне чужда, то мне и хотелось бы иметь возможность сослаться на Ваш авторитетный отзыв и противопоставить его могущим встретиться возражениям.

Вероятно, у Вас уже была, а если нет, то на самых ближайших днях будет, Т. Л. Якобсон. Не знаю, достаточно ли я подчеркнул в предыдущем письме то обстоятельство, что на ближайшее время я прошу Вас главным образом помочь ей выработать план занятий в этом семестре: для того, чтобы заниматься под Вашим непосредственным руководством она — несмотря на отличные задатки, пожалуй, еще не созрела: думаю однако, что созреет.

Книга моя — я знаю — вышла, но пока я ее не видал.

Искренно Вам преданный

А. Кауфман.

22.IV[1913].

№ 11

Пункахарью^{35*} (Финл.) 30/V–12/VI.1913.

Многоуважаемый Владислав Иосифович.

Прежде всего, извиняюсь за карандаш — я тут нахожусь без машинки, а писать чернилами совершенно разучился. Затем еще извиняюсь за то, что так промедлил с ответом на Ваше письмо — последние недели я был страшно уставши, и потому решительно не в состоянии был заставить себя взяться за что-либо, кроме, безусловно, неотложных текущих дел.

То, что случилось с частью моих цитат из Вас — достойное мне наказание за одну мою неистребимую плохую черту, от которой я никак не мог заставить себя отделаться: за недостаточную точность в цитировании, — да и вообще, недостаточную точность моего рабочего механизма. Так как у меня — вот Вам одно из проявлений этой черты — не сохранилось моих *Vorarbeiten*^{36*}, частью они сохранились в очень беспорядочном виде, то я и не могу точно сказать, от чего произошла эта неточность: частью, может быть, от того, что я цитировал не Ваши немецкие работы, а русские (из «Вест[ника] пр[ава]»); в большей части, несомненно, от того, что часть использованных в русском издании цитат я не разыскал по оригиналу, а переводил обратно с русского на немецкий. Так или иначе, случившееся (аналогичное могло случиться и по отношению к части — впрочем небольшой — цитат из других авторов) мне очень неприятно, поскольку в мои цитаты вкрались неудачные выражения. Утешаюсь 1) потому что мысли Вашей я — я думаю — никак не исказил; 2) потому, что неудачные выражения всякие, конечно, отнесены на мой, а не на Ваш счет и 3) что Вы, конечно, небрежную передачу формул не отнесете на счет невнимания к изданию. Конечно, если Вы отметите эти неточности в печати, то мне не придется ответить <...>.

Большое Вам спасибо за добрый прием, оказанный вами Т. Л. Якобсон, — она писала мне о нем сейчас же после того, как была у Вас. С тех пор она, увы, не писала мне ни строчки. Что касается математики, то — я думаю — она сумеет разобраться с ней. Что ей

нужно: очень она <...> человек. Решил я и сам приняться за математику; отчасти — чтобы лучше утвердиться в теории, отчасти — чтобы быть в состоянии с нашими ультра-математиками разговаривать на их языке. Не знаю, окажутся ли мои 49-летние мозги еще для сего пригодными.

Засим — пожелаю Вам всего.

Искренно преданный Вам А. Кауфман.

Читали ли Вы статью Н. Wolff'a в *Comp. Jahrb.*^{37*}? Хорош вывод из Риккерта^{38*} — и зачем тут Риккерт?

№ 12

31 августа [1913].

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Я был совершенно убежден, что в настоящее время в Берлине нет никого из профессуры, в том числе и Вас. Только что узнал, что в Берлине находятся Зеринг^{39*}, Шмоллер^{40*} и еще кто-то, и сейчас же решил попытать счастья с Вами. Я буду в Берлине весь вторник. Может быть, Вы ввиду моих болезней найдете возможным посетить меня в гостинице и побеседовать часок? Час мне почти безразличен, хотя предпочел бы я «нахмиттаг»^{41*}, потому что в Берлине имею делать кой-какие покупки. Во всяком случае, если это письмо Вас застанет, и если Вы пожелаете приехать, пошлите мне открытку с указанием часа в Schmidt's Hotel — Neustädt. Kirchstr. около самого вокзала. Если Вам приехать неудобно, я готов приехать и к Вам — только укажите час.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

№ 13

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Я уже совсем было отчаялся в возможности осуществить свою идею «Лексиса–Бортевича». Но теперь положение дел изменилось. Я имею издателя, который охотно берется за такое дело; вместе с тем я заручился сочувствием московских коллег-преподавателей статистики — Каблукова^{42*} и Анисимова^{43*}, и значит, дело можно двигать. Я не решаюсь напоминать Вам о когда-то высказанном Вами намерении самому кое-что обработать для этого издания — у Вас, вероятно, времени не найдется. Но я очень бы просил бы Вас не отказать в указаниях, какие именно части Ваших работ Вы считали бы полезными использовать. Я хотел бы первую статью всего сборника пустить «статистическую закономерность», а потом уже, после Лексиса, соответственные куски из *Kritische Betrachtungen*^{44*}, может быть из *Theorie nach Lexis*^{45*}, затем *Gesetz der kleinen Zahlen*^{46*}, затем из *Statistische Gesetzmässigkeit*^{47*}; больше мне пока ничего не приходит в голову, но, может быть, Вы еще что-нибудь укажете. Думаю, что Вам не будет трудно наметить, что нужно. Если трудно — я составлю план наборок сам и пришлю его на Ваше одобрение. За точность перевода ручаюсь, ручаюсь за то, что в нем не будет таких lapsus'ов, как случились, к моей большой досаде, в моем немецком руководстве.

С академией пока ничего не налаживается. Экономических вакансий пока нет, и могут оказаться только в случае если пройдет особое отделение общественных наук — на что шансов мало. Да и в этом случае придется, к несчастью, считаться с Янжулом, который проводит только своих приятелей, с которыми и я, и мои приятели-академики в дурных

отношениях. Благодаря этому последнему обстоятельству я не знаю даже, что выйдет из пущенной в оборот мысли об избрании Вас в члены-корреспонденты.

Всего Вам хорошего.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

8.21.II.1914.

Переводить, вероятно, будет известная Вам Т. Л. Якобсон и, может быть, еще одна наша оставленная; обе отлично знают по-немецки и хорошо владеют русским.

А. К.

№ 14

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Прежде всего — тысяча извинений, что промедлил ответом на Ваше письмо. Мне, может быть, следовало немедленно написать Вам, чтобы поблагодарить Вас за Ваше сочувствие нашему предприятию, а в особенности — за Вашу готовность принять в нем даже непосредственное участие. Но мне хотелось вместе с тем даже ответить Вам и по существу, а между тем прошло немало времени, пока мне удалось собрать все, что надо было просмотреть для этой цели, особенно трудно мне было достать матем. энциклопедию.

Итак, еще раз от души благодарю Вас, а затем перехожу к делу. Вот общий план книги, как я его себе теперь представляю:

Бортк., О статистич. закономерности — как общее введение.

“ Anwendungen der W.-R.^{48*} — либо здесь, как введение, общий обзор для мат. части, либо после нее, как заключительное резюме.

Lexis, Massenerscheinungen^{49*}, с исключением всех примеров, кроме одного.

“ Abhandlungen^{50*}, гл. 5^{51*}, 6, 7, 8, может быть 9^{52*}. Хотелось бы знать Ваше мнение.

Bortk., Theor. nach Lexis^{53*}.

“ Kritische Betr., I und II^{54*}.

“ Ges. d. Kl. Z.

“ Stat. Generalisationen^{55*} (может быть лучше на втором месте?).

Прежде чем идти дальше, позвольте перечислить те точки зрения, с которыми приходилось и приходится считаться при выработке плана данного издания. Прежде всего — 1) это будет пособие по чистой теории и таким образом теория населения отпадает целиком (это обстоятельство Вы уже имели в виду, намечая только 1-ю часть Anwendungen). Затем — 2) объем — по условиям книжного рынка, издатель едва может пойти более чем на 15–18 листов. Затем — 3) круг мыслимых читателей. Не знаю, сумею ли я формулировать свою точку зрения, — но мне кажется, что данное издание должно обнять из области математически обоснованной теории статистики такие вещи, которые, требуя для полного проникновения математической подготовки, однако содержат более или менее значительную часть, доступную, хотя бы при известном напряжении, и для менее подготовленного читателя, интересующегося теорией. Наконец — 4) еще пункт, совпадающий с тем, что и Вы говорили, когда мы беседовали в Берлине: полемика должна найти себе место лишь постольку, поскольку полемические экскурсы стоят в неразрывной связи с основным ходом мыслей данной работы. Если начинать с основных пунктов, 1-го и 3-го, то под них из Ваших работ всецело подходят Lexis, Kritische Betr. I и II и, по моему мнению, Ges. der kl. Z. Но насчет Zeitfolge^{56*} у меня большие сомнения. Как следует я еще этой вещи не проштудировал, но общий смысл, думаю, уловил и значение понимаю. Но в этой вещи математика слишком сильно преобладает над «рассуждением», и она, я думаю, для подавляющего большинства предполагаемых мною читателей будет абсолютно

недоступна. Вот почему я думаю, что раз надо считаться с объемом издания, то этой вещью будет целесообразно пожертвовать, и очень просил бы Вас на это согласиться. Есть, положим, один выход, который был бы, безусловно, наилучшим — но я не знаю, могли бы Вас просить об этом, особенно ввиду безгонорарности издания: если бы Вы нашли возможным написать коротенькое резюме с изъяснением существенного смысла Ваших новых формул? Если бы у Вас нашлась к этому охота, то времени достаточно — к печатанию книги мы все равно не приступим раньше осени. Затем — под вопросом для меня «степень точности Q »: у меня сейчас не было под руками Вашей немецкой статьи на эту тему^{57*}, но, сколько мне помнится, это уже совсем чистая математика. Так вот — если она и в русской переработке сохранит такой же вид, то и она, пожалуй, не подойдет к типу предполагаемого издания. Но если Вы можете дать такую трактовку вопроса, которая была бы более доступна для предполагаемого читателя, то статья будет чрезвычайно желательна, и в таком случае ее место было бы, вероятно, сейчас после Krit. Betr.

Из этих исследований я намечаю взять, прежде всего, только I и II; в третьей статье чрезвычайно ценны первые, кажется, 3 или 4 страницы, но я не вижу способа (м. б. Вы укажете?) выделить их от остального содержания статьи, которое, очевидно, выходит из рамок нашего предприятия. Затем из полемических экскурсов я думаю исключить: из I отрывок от 654 (от сл. kaum dürfte...) до 660 (до sonst во 2-м абзаце); мне кажется, что имеющиеся здесь в виду неверные толкования Пуассоновской формулировки не столь существенны для нашего читателя. Напротив, стр. 560–665, хотя тоже имеющие полемический характер, мне кажутся весьма существенными и подлежащими непременно сохранению. В II мне казалось бы возможным пожертвовать стр. 343 (Vor allem...) до 348 (до in Engl.) — т. е. полемикой с Эджевортом^{58*}, которая без знакомства со всей литературой данного спора едва ли может быть понятой; напротив, полемика с Вестергардом^{59*} (стр. 348 сл.) мне кажется существенною и подлежащею сохранению.

Наконец, несколько слов по поводу Anwendungen — здесь целый ряд мелких пунктов. Во-первых, не сделаете ли Вы примечания к Вашей формулировке теоремы Бернулли, чтобы показать отношение ее к той более обычной формулировке, которая дается, напр., у Чубера^{60*}? Без этого, я боюсь, умеренно подготовленный читатель будет в некотором недоумении. Во-вторых, нужны примечания к тем местам, где у Вас — ссылки на другие части энциклопедии (понятие мат. ожид., интерполяции, мож. быть еще что-нибудь); конечно, такие примечания мог бы сделать и я, но конечно лучше, если это сделаете Вы. В-третьих, как глава из энц., эта статья страшно трудна для перевода; не сочтете ли Вы полезным посмотреть перевод в корр., а может быть и в рукописи? С остальным я, вероятно, и сам справлюсь, а этой статьи побаиваюсь. Впрочем, и для остальных статей я думаю сделать вот что: если будут сомнения в терминах, то послать Вам список таких сомнительных терминов и попросить Вашей санкции на тот или другой их перевод.

Ну, на этом пока кончу — написал так много, что других дел и вопросов не буду касаться. Мне интересно бы только знать, попала Вам на глаза моя полемика с Форхером^{61*}? Будет еще моя рец. на матем. часть его книги.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.
9/22.III.1914.

№ 15

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Большое Вам спасибо за Ваше письмо и за выразившуюся в нем готовность идти навстречу всем нашим предположениям (почему «нашим» — Вы увидите из дальнейшего).

Но Вы идете даже дальше их, и от некоторых вещей нам не хотелось бы отказаться. Мне жаль отказаться даже от Generalisationen: ведь они отнюдь не являются повторением второй части «Закономерности»^{62*}, и анализ проведен в них значительно дальше. Но я понимаю, что напечатать обе статьи полностью, может быть, и неудобно, а потому просил бы Вас пока считать вопрос открытым: сейчас мне некогда, но через некоторое время я соображу, нельзя ли скомбинировать General. с первой частью «Закономерности» и, если что-нибудь придумаю, напишу Вам дополнительно. А вот насчет статьи из энциклопедии вопрос нам и сейчас ясен. Нам кажется, что в смысле математичности эта статья стоит как раз на границе допустимого в предполагаемом издании и едва ли многим будет труднее для усвоения не-математическим читателем, чем, напр., «Krit. Betr.» (в некоторых частях). А между тем в смысле общей картины эта статья дает о ч е н ь много, — в частности, обобщающий обзор эволюции вопроса о дисперсии в ней дан с такой степенью полноты и ясности, как едва ли где-либо в другом месте. А потому я оч. просил бы Вас не настаивать на устранении этой статьи.

Теперь раскрою таинственное «мы». Дело в том, что моими сотрудницами в данной работе будут две мои ассистентки. В частности, переводить Ваши работы будет известная Вам Т. Л. Якобсон и с нею я обсуждал и весь план данного издания. Между прочим я, не веря себе, дал ей прочесть статью из энциклопедии; и вот она вполне независимо от меня пришла к тому же мнению, что и я, — в частности, статья и ей не показалась чрезмерно математической, а между тем она пока еще довольно мало успела в математике, и в этом отношении не выходит из того читательского уровня, какой мы имеем в виду.

С точки зрения будущего перевода участие Т. Л., несомненно, является немалым плюсом: она отлично владеет немецким языком, обладает хорошим слогом и хорошо разбирается в вопросах. В интересах дела я, тем не менее, думаю просить ее сделать вот что: по мере хода перевода составлять список сомнительных или трудных терминов с предполагаемым переводом и представить его на Вашу апробацию.

Думал я было привлечь к этому изданию и М. В. Птуху, — но его поведение по отношению к коммерческому институту побудило меня воздержаться от дальнейших с ним отношений. В чем дело — он, вероятно, Вам и сам расскажет; конечно, его оценка случившегося будет не та, что моя.

Жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

29.III.1914

Чуть не забыл. Я, конечно, очень рад Вашему отношению к возникшей у меня полемике с Форх[ером]. Что касается до Вашего несогласия с заглавием, то оно, конечно, не относится к существу моей мысли, а только к несколько неотчетливой — как мне стало ясно после Вашего письма — редакции: я, конечно, не противопоставлял измерений смертности статистике, а своим заглавием хотел только подчеркнуть то pars pro toto^{63*}, в которое впадает Ф., распространяя на в с ю статистику то, что может быть верно лишь для незначительной по объему, хотя и выдающейся по разработанности, ее части.

№ 16

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Я не отвечал Вам сразу на Ваше письмо, потому что предвидел некоторое небольшое дело. Вот оно: пару недель тому назад я получил от Вюрцбургера^{64*} запрос, не пожелаю ли я поставить своей кандидатуры в Междунар. стат. институт, а вместе с тем и выражения его готовности собрать подписи (кроме, конечно, требующейся одной «русской»).

Так как я сам, грешным делом, подумывал об институте, то я ответил согласием, причем, предоставляя ему свободу выбрать людей для подписи, указывал однако, что одним из них желал бы иметь Вас, да кстати спрашивал, не можете ли Вы сойти за «русского» члена — сие последнее главным образом потому, что из числа «русских» членов института я считаю приличным для себя, в сущности, одного Чупрова, а его поймать при его качаниях между Москвой, Мюнхеном и Севильей — не угодно ли; конечно, мыслимы «генералы» — Ермолов^{65*}, Шокальский^{66*}, Георгиевский, — но это, конечно, не то. Так или иначе, вчера получил его ответ — «русским», по его мнению, Вы уже считаться не можете, в качестве же одного из пяти он и сам имел именно Вас в виду. При наших с Вами добрых отношениях я не сомневаюсь, что и инициативы В[юрцбургера] было бы достаточно, чтобы Вы подписали рекомендацию, — но все-таки мне не хотелось бы, чтобы эта инициатива последовала без моей непосредственной причастности. Вот я и присоединяю к будущей просьбе В[юрцбургера] свою.

Теперь, о статье Майера^{67*} и прочем. Статью, конечно, надо будет прочесть, но я не знаю где ее взять, — может быть, просто, проездом через Берл. попрошу Вас одолжить мне на неск. дней. А несогласия у нас с Вами все-таки, ей-богу же, нет, — я утверждаю это и после Вашего последнего разъяснения. Вы недостаточно считаетесь с тем, что я в своей статье держусь в узких границах полемики с Ф[орхером]: он применяет мат. только в области измерения смертности, у него нет, затем, ничего другого, кроме жалкой попытки перейти в область угол. ст-ки. А применимы ли — мало того, даже применялись ли мат. приемы другими в других областях, — об этом я не только не говорю (или точнее — в выноске даже прямо оговариваю, что в данный момент это меня не касается), но прямо Вам скажу — пока не знаю. Я ведь теперь еще только в стадии закладки некоторой математической базы, и как раз теперь летом собираюсь переходить в следующую: в стадию более близкого ознакомления с методами мат. статистики и их применениями. Не далее, как недели через две с половиной, думаю и с Вами на эту тему беседовать.

Теперь к другому. Т. Л. Якобсон сдала два из своих трех гос. экзаменов, а так как до третьего далеко, то она принимается за пробный перевод из «Krit. Betr.». Дней через десять она мне его представит, чтобы сговориться о терминологии и о манере изложения. Но так как очень хотелось бы, чтобы перевод Вас удовлетворил в полной мере, то у меня вот такая мысль: по просмотре мною, не послать ли пробу Вам с тем, чтобы при свидании Вы могли мне сказать, в чем Вы хотели бы изменить терминологию, манеру изложения и проч. Если эта мысль Вам нравится, черкните хоть открытку. Пока мы наметили такую линию: конечно, мыслимая близость к построениям и оборотам подлинника — но при этом упрощение построений, поскольку сложность их окажется вытекающей не из Вашей индивидуальности, а из особенностей немецкого языка. Думаю, что последнее пойдет навстречу Вашему желанию — ведь и Вы по-русски^{68*} пишете совсем не так, как по-русски.

Жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

№ 17

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович, о Вашей мысли предложить меня в члены института я как раз сегодня утром узнал от А. А. Чупрова. Не знаю, насколько совпадение «знаменательно», но что оно в высшей степени приятно — это не подлежит сомнению. Большое Вам спасибо.

Увы — в Берлин я попаду как раз во время Вашего отсутствия. Мне это очень обидно — тем обиднее, что ведь и назад проезжать придется, очевидно, в такое время, когда

Вас не будет. Между тем задержаться в Берлине до Вашего возвращения мне невозможно — на моей ответственности будет вся моя детвора, а с ней заживаться в Берлине, очевидно, нельзя. Разве, может быть, удастся съехаться с Вами где-нибудь во второй половине лета, если Вы будете поблизости Швейцарии или южной Германии. Удивительно мне на Вас не везет...

Однако вот что: не сообщите ли Вы мне сейчас же (или оставите в Postamt Dorotheenstr.) Ваш тюрингенский адрес? Может быть, это позволило бы мне, не теряя лишнего времени, прислать Вам на цензуру пробный перевод и затем получить Ваши замечания относительно его общего характера? Конечно, было бы много лучше это проделать при личном свидании, — но что же поделаешь...

А. А. Ч. говорил мне, что привез Вашу рукопись. Спасибо. Жму Вашу руку.
Искренно Ваш А. Кауфман.

№ 18

8 июня [1914].

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Только пару часов тому назад я получил в свое распоряжение своего Гаммонда^{69*}, без которого я — почти не человек, и пишу Вам по скорее курьезному, нежели серьезному поводу: по поводу недоразумения с ... ужином. Недоразумение пустое, но все-таки мне очень неприятное; а всякое недоразумение, как оно ни пусто, все-таки лучше выяснить в его основаниях. Дело, оказывается, было так: я понимал мой уговор с женой, что она, отдохнувши, зайдет к нам; она — что я зайду к ней, когда мы кончим деловой разговор. Когда дело затянулось, я понимал, что это так, что она спит, и мне жаль было ее будить — перед тем она очень жаловалась на усталость; а она не думала спать, а ждала, пока мы кончим деловой разговор. Словом — вышла совершенная ерунда, за которую я перед Вами и извиняюсь.

Больше в данную минуту писать нет охоты, а потому жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего. Надеюсь, в скором будущем прислать Вам следующую порцию перевода — просмотренную Вами пробу с Вашими отметками я отослал «для соображения» Тамаре Львовне. Обдумав весь наш разговор, я не решился советовать ей свободнее изменять конструкцию фраз; думаю, что в данном случае мыслимая близость к подлиннику важнее, чем достижимая, может быть, несколько большая легкость построения.

Искренно Вам преданный А. Кауфман.

№ 19^{70*}

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович.

Я только что сообразил, что вчера отправил Вам письмо без марки. Получили ли Вы его? Если нет — я повторю его содержание, если да — извиняюсь за невольное причиненный изъян.

В письме забыл коснуться одного пункта: своего, явно удивлявшего Вас, понимания части излагавшихся Вами соображений. Дело тут очень просто. Ведь наша беседа касалась области, где Вы — дома, а я — пришелец: а при таком положении вещей мне, естественно, нужно гораздо больше времени и напряжения мысли, чтобы разбираться в вещах, которые Вам, может быть, кажутся совсем простыми. Ведь возможность свести то, что я излагаю в своей теоретической части, мне досталась ценой немалых усилий!

Жму Вашу руку.

А. Кауфман.

Глубокоуважаемый Владислав Иосифович!

У меня к Вам большая просьба: перешлите мне, пожалуйста, на несколько дней мои две брошюры: «По поводу Пбг. переписи 1910 г.» и «К вопросу о 2-й всероссийской переписи»^{72*}. Я их забыл в Пбг; — между тем они нужны мне для одной срочной работы, а получить их из Пбг. может быть не так просто.

Очень обяжите!

Ваш А. Кауфман.

* Имеется в виду [7].

^{2*} Речь идет о [8].

^{3*} Видимо имеется в виду [2].

^{4*} Речь идет о работе [16].

^{5*} Лексис Вильгельм (1837–1914), немецкий экономист и статистик. Профессор в Страсбургском, Дерптском, Геттингенском университетах.

^{6*} Мануйлов Александр Апполонович (1861–1929), экономист. С 1900 г. профессор Московского университета, позже — ректор.

^{7*} Подробнее см. письмо № 14.

^{8*} Речь идет о работе [9]. Есть и отдельное издание.

^{9*} Наук (фр.).

^{10*} Речь идет о работе [11].

^{11*} Рецензия не была опубликована в журнале. Орженцкий Роман Михайлович (1863–1923), экономист и статистик. В 1910–1918 гг. работал в оценочно-статистическом бюро Ярославского губернского земства. В 1918–1919 гг. — профессор Петроградского университета.

^{12*} Баллод (Балодис) Карл (1864–1931), латышский экономист и статистик-демограф. С 1905 г. — лектор в Берлинском университете, с 1919 г. — профессор в Риге.

^{13*} «Вестник права» издавался с 1871 по 1906 г. под разными названиями. В 1899–1906 гг. — орган Юридического общества при Санкт-Петербургском университете.

^{14*} Речь идет о работе Борткевича [1].

^{15*} Озеров Иван Христофорович (1869–1942), экономист-финансист. С 1895 г. — приват-доцент, с 1901 г. — экстраординарный, а с 1903 г. — ординарный профессор Московского университета по кафедре финансового права. Профессор Петербургского университета в 1907–1911 гг. Уволен из Университета за критику финансовой политики В. Н. Коковцова.

^{16*} Кауфман Илларион Игнатъевич (1848–1915/16), экономист-финансист. В 1889–1893 гг. — приват-доцент, в 1893–1901 гг. — экстраординарный, с 1901 г. — ординарный профессор Петербургского университета.

^{17*} Покровский Иосиф Алексеевич (1868–1920), юрист-цивилист. С 1903 г. — профессор Петербургского университета. Декан Юридического факультета в 1910–1912 гг.

^{18*} Имеется в виду диссертация *honoris causa* — «ради почета».

^{19*} Чупров Александр Александрович (1874–1926), статистик. В 1902–1917 гг. — профессор Петербургского политехнического института. Член-корр. РАН (1917).

^{20*} Георгиевский Павел Иванович (1857–1938), экономист. В 1890–1911 гг. — ординарный профессор кафедры политической экономии и статистики Петербургского университета. В 1911–1914 гг. — председатель Центрального статистического комитета МВД.

^{21*} Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), экономист. В 1895–1899 гг. и в 1906–1911 гг. — приват-доцент Петербургского университета. В 1905–1907 гг. — преподавал в Петербургском политехническом институте, с 1913 г. — профессор там же.

^{22*} Видимо, речь идет об Альфреде Вебере (1868–1958), немецком экономисте и социологе, профессоре экономики в Праге и Гейдельберге.

^{23*} Речь идет о подготовке немецкого издания работы [12].

^{24*} Имеется в виду работа [25].

^{25*} Речь идет о работе [12].

^{26*} Кауфман задумал сборник переводных работ по теории статистики, куда должны были войти работы Борткевича и Лексиса. Издание это так и не состоялось. Большая статья о теории Лексиса–Борткевича была напечатана в его посмертной монографии [14].

^{27*} Речь идет об однодневной переписи населения Петербурга 15 декабря 1910 г. (см. работу [10]).

^{28*} А. А. Кауфман старался адаптировать свой курс к немецкой аудитории, сняв сугубо российскую специфику организации статистики.

^{29*} Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед. Академик Петербургской АН (1900). С 1894 г. — профессор Петербургского университета. Непременный секретарь АН (1904–1929).

^{30*} Янжул Иван Иванович (1846–1914), экономист и финансист. С 1876 г. — профессор Московского университета по кафедре финансового права. Член Петербургской АН (1895).

^{31*} Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк. С 1890 г. приват-доцент, профессор Петербургского университета, академик Петербургской АН (1899).

^{32*} Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932), юрист. Автор работ по имущественному праву и страхованию. Некоторое время преподавал на Юридическом факультете Петербургского университета.

^{33*} Птуха Михаил Васильевич (1884–1961), статистик и демограф. Ученик И. И. Кауфмана. Окончил Петербургский университет в 1910 г. С 1913 г. — приват-доцент Университета. После 1917 г. работал в Киеве. Член-корр. АН СССР (1943).

^{34*} Якобсон Тамара Львовна (1888–?). Окончила Юридический факультет Высших женских курсов в 1911 г. Канд. экон. наук.

^{35*} Узкий длинный остров в Финляндии, к юго-востоку от Нейшлота.

^{36*} Заготовок к работе (нем.)

^{37*} Речь идет о работе [28].

^{38*} Риккерт Генрих (1863–1936), немецкий философ. Представитель баденской школы неокантианства. Профессор Фрайбургского и Гейдельбергского университетов.

^{39*} Зеринг Макс (1857–1939), немецкий экономист. Профессор Университета в Бонне, в Берлинской сельскохозяйственной академии.

^{40*} Шмоллер Густав (1838–1917), немецкий экономист. Профессор в Тюбингенском, Галльском, Страсбургском, Берлинском университетах.

^{41*} Во второй половине дня (нем.)

^{42*} Каблуков Николай Алексеевич (1849–1919), экономист и статистик. В 1885–1907 гг. — заведующий статистическим отделением Московской губернской земской управы. С 1903 г. — профессор Московского университета по кафедре статистики.

^{43*} Анисимов Виктор Иванович (1875–1920), статистик и агроном. В 1898–1906 гг. работал в Харьковской, Владимирской и Курской земских управах.

^{44*} Речь идет о работе [17].

^{45*} Речь идет о работе [21].

^{46*} Речь идет о работе [18].

^{47*} Речь идет о работе [1].

^{48*} Речь идет о работе [19].

^{49*} Речь идет о работе В. Лексиса [26].

^{50*} Речь идет о работе В. Лексиса [27].

^{51*} Пометка Борткевича на письме: «Слабая вещь».

^{52*} Пометка Борткевича: «Да!»

^{53*} Речь идет о работе [21].

^{54*} Пометка Борткевича: «Без примечаний стр. 222–226».

^{55*} Речь идет о работе [22]. Вычеркнуто В. И. Борткевичем.

^{56*} Видимо, речь идет о работе [23].

^{57*} Речь идет о работе [20].

^{58*} Имеется в виду Эджуорт Фрэнсис Исидро (1845–1926), британский экономист и статистик. Профессор Кингс-колледжа в Лондоне и Оксфордском университете.

^{59*} Вестергард Гарольд Людвиг (1853–1936), немецкий экономист и статистик.

^{60*} Чубер Эмануэль (1851–1925), австрийский статистик. Профессор Высшей технической школы в Вене.

^{61*} Речь идет о работе немецкого статистика Хуго Форхера [24].

^{62*} Речь идет о работе [1].

^{63*} Часть вместо целого (лат.).

^{64*} Э. Вюрцбургер — редактор журнала «Deutsches statistischer Zentralblatt».

^{65*} Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917), государственный деятель, министр земледелия и государственных имуществ в 1893–1905 гг.

^{66*} Шокальский Юлий Михайлович (1856–1940), океанограф и картограф, почетный член АН СССР (1939). Президент Русского географического общества в 1917–1931 гг.

^{67*} Видимо, имеется в виду Майр Георг (1841–1925), немецкий статистик и демограф, представитель описательной школы статистики. Профессор Страсбургского и Мюнхенского университетов.

^{68*} Видимо, ошибка. Нужно — по-немецки.

^{69*} Речь идет о портативной пишущей машинке.

^{70*} Напечатано на почтовой карточке. Дата 9.06.1914. Фрайбург.

^{71*} Написано на почтовой карточке. Дата 25.06.1914. Фрайбург.

^{72*} Речь идет о работе [13].

-
1. *Борткевич В. И.* О статистической закономерности // Вестник права. 1905. Т. 35. № 8. С. 125–154.
 2. *Борткевич В.* Задачи и концепции научной статистики // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Т. 25. № 2. С. 346–372 второй пагинации.
 3. В. И. Борткевич. А. А. Чупров. Переписка (1895–1926) / Сост. О. Шейнин. Berlin, 2005. [4]+IV+335 с.
 4. *Дмитриев В. К.* А. А. Кауфман. Теория статистики. Руководство для учащихся и для лиц, посвящающих себя статистическому труду. М., 1909. [Рец. на кн.] // Русская мысль. 1910. Кн. 6. С. 169–172 второй пагинации.
 5. *Елисеева И. И., Плошко Б. Г.* История статистики. М., 1990. 296 с.
 6. История преподавания и развития статистики в Петербургском–Ленинградском университете (1819–1971 гг.) / Под ред. И. В. Сиповской, И. П. Суслова. Л., 1972. 140 с.
 7. *Кауфман А.* Теория статистики в ее принципиальном обосновании (А. А. Чупров. Очерки по теории статистики. СПб., 1909) // Русская мысль. 1909. № 10. С. 98–108 второй пагинации.
 8. *Кауфман А. А.* Теория статистики. Руководство для учащихся и для лиц, посвящающих себя статистическому труду. М., 1909. XV+407 с.
 9. *Кауфман А. А.* К вопросу о выборочном исследовании // Известия Имп. Русского географического общества. 1911. Т. XLVII. С. 165–206.
 10. *Кауфман А., Макаров А.* По поводу переписи гор. С.-Петербурга 15 дек. 1910 г. // Известия Имп. Русского географического общества. 1911. Т. XLVII. С. 165–206.
 11. *Кауфман А. А.* Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана «Статистика в русской истории. Опыт статистической обработки новгородских писцовых книг около 1498 г.». СПб., 1912. 122+[1] с.
 12. *Кауфман А. А.* Теория и методы статистики. Руководство для учащихся и для лиц, посвящающих себя статистическому труду. 2-е изд., соверш. перераб. М., 1912. XXVIII+632 с.
 13. *Кауфман А. А.* По поводу Второй Всероссийской переписи населения // Известия Имп. Русского географического общества. 1913. Т. XLIX. С. 273–300.
 14. *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. М., 1922. [2]+218 с.
 15. *Фортулатов А.* Памяти Платона Дмитриевича Азаревича // Статистический вестник. 1914. Кн. 1-2. С. 233–239.
 16. *Чупров А. А.* Очерки по теории статистики. СПб., 1909. XXXVIII+406 с.
 17. *Bortkiewicz L. von.* Kritische Betrachtungen zur theoretischen Statistik // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1894. III F. Bd. 8. S. 641–680; 1895. Bd. 10. S. 321–360; 1896. Bd. 11. S. 671–705.
 18. *Bortkiewicz L. von.* Das Gesetz der kleinen Zahlen. Leipzig, 1898. VII+42 S.
 19. *Bortkiewicz L. von.* Anwendungen der Wahrscheinlichkeitsrechnung auf Statistik // Enzyklopädie der mathematischen Wissenschaften mit Einschluss ihrer Anwendungen. 1901. Bd. 1. S. 821–851.
 20. *Bortkiewicz L. von.* Über den Präzisionsgrad des Divergenzkoeffizienten // Mittheilungen des Verbandes der österr. und ungar. Versicherung-Techniker. 1901. H. 5. S. 1–3.
 21. *Bortkiewicz L. von.* Die Theorie der Bevölkerungs- und Moralstatistik nach Lexis // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1904. III F. Bd. 27. S. 230–254.
 22. *Bortkiewicz L. von.* Die statistischen Generalisationen // Revista di Scienza. «Scientia». 1909. Vol. 5. N IX. P. 102–158.
 23. *Bortkiewicz L. von.* Über die Zeitfolge zufälliger Ereignisse // Bulletin de l'Institut international de statistique. 1915. T. 20. N 2. P. 30–111.
 24. *Forcher H.* Die statistische Methode als selbstständige Wissenschaft. Leipzig, 1913. VI+363 S.
 25. *Kaufmann A.* Theorie und Methoden des Statistik. Ein Lehr- und Lesebuch für Studierende und Praktiker. Tübingen, 1913. XI+539 S.
 26. *Lexis W. von.* Zur Theorie der Massenerscheinungen in der menschlichen Gesellschaft. Freiburg, 1877. 94 S.
 27. *Lexis W. von.* Abhandlungen zur Theorie der Bevölkerungs- und Moralstatistik. Jena, 1903. 253 S.
 28. *Wolff H.* Zum Theorie der Statistik // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1913. III F. Bd. 45. S. 1–43.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.